

«Трижды он видел, как полыхали русские православные церкви,—и всякий раз их поджигали русские православные люди.

Итак, это был третий раз, И он очень хотел ошибиться—в конце концов, первые два случая остались там, на далёком фронте... Кто-то—неужто за левым плечом?—беззвучно рассмеялся. Так уж и на фронте?

...Неважно!

А важно жадное пламя, что вгрызалось в дерево стен, упавшие стропила, оранжевые отблески огня на закопчённых окладах в глубине развалин.

Вот застонала и рухнула колокольня. Столб искр взметнулся в ночное небо—огненный двойник упавшей воздвигся в ночи.

Развеялся.

Тихо шипел дождь на углях. Молчала не по-хорошему толпа, собравшаяся на деревенской площади.

С церковью было кончено.

...Тремя часами ранее он брёл от полустанка, кляня на чём свет стоит дождь, темень, слякоть, раскисшую дорогу, наконец превратившуюся в чистую *дрыгву*—так называли то полесское болото, где он убивал и умирал последние годы.

А всё шальной Поезд, чтоб ему пусто было,—вместо того, чтобы свернуть на стрелке на Беловодск, покотил по основной ветке дальше, на восток, к Уральским горам.

Впрочем, оно и к лучшему. Время было неспокойное, и компания в пути подобралась та ещё. В дурно сколоченных теплушках мирно соседствовали драпавшие с фронта дезертиры, замучившие гармошку, подозрительные личности полубандитского вида—комиссары Временного, следующие с продрозвёрсткой на места, и уж вовсе бандиты форменные, настоящие, никоим образом никого не стеснявшиеся. Ещё была кучка запуганного вида интеллигентов и крестьян, на которых никто не обращал внимания.

В целом поезд напоминал Россию в миниатюре—и Антохин никак не мог взять в толк, почему вагон ещё не в огне.

Спи вполглаза, держись за кобуру с маузером и молись тихонько, чтоб пронесло,—таков был для него последний отрезок затянувшегося пути домой.

...В общем, хорошо, что состав прошёл мимо родных мест. Подобных людей видеть рядом с домом не хотелось. Плохо, что пришлось высказывать в ночь на полустанке, на холод и морось...

Плохо, но ничего страшного...»